

ПОРРЕЛЫ ДИРДАЛИ

Приступая к разговору о любимейшем своем музыканте, о стариинном друге, невольно теряюсь. Теряюсь и по внутренним, и по внешним причинам. И из-за внутренних свойств своего, так сказать, объекта. И из-за его экзотического способа существования вовне. Обознанием условно эти два качества, речь о которых постараюсь все же повести, как "Silentium" - и "Arc-en-ciel". Смысл того и другого постепенно прояснится. Пока же подойдем исподволь ко второму из них.

ARC-EN-CIEL

Это вторая попытка что-то написать об Аркадьеве. Первую я предприняла десять-пятнадцать лет назад. Миша был студентом Гнесинского института. Председательствовал в студенческом научном обществе. Зазвал меня с докладом. Научное общество в афише высажено было именовалось "Academia studiosorum". Я обозначалась как "magister Эскина". Непрятностей у нас было из-за этой "Академии студиозорум"! Сейчас даже непонятно, почему. Дружба начиналась с совместной научной работы. И интересы совместные были не только и не столько музыкальные - помню какие-то разговоры о Бердяеве, Франциске Ассизском, затяжной спор о Волошине и Мандельштаме. "А как ты играешь?" - почему-то с немалой опаской спросила наконец Мишу.. Наконец услышала. И сразу стало ясно: весь спектр Мишиной деятельности - научной, музыковедческой, композиторской - только подножие. Аркадьев оказался

Ежевоскресно (не знаю уж который год) вокруг Аркадьева собирается на некие философско-культурологические бдения кружок друзей и единомышленников. Однажды, приехав в Москву, вместе с Мишей попала на эти философские встречи - тогда, правда, доклад читал философ Анатолий Валерианович Ахутин. Около часа продолжался доклад, а потом и Миша часа два в прениях по докладу выступал... В Германии Аркадьев последние несколько лет является директором "Русских вечеров", на которых и сам выступает с огромным успехом. Опубликован ряд резко выбивающихся из традиционного музыковедческого русла работ - о "Пиковой даме" Чайковского, о баховских уртекстах.

Посетив Самару десять лет назад, сразил своих поклонников нескользкими совершенно разными вещами, как-то: удивительно сыграл баллады и этюды Шопена, сонату Листа си минор, Шестую сонату Прокофьева, "Искусство фуги" Баха, сопроводив концерты комментариями. И комментарии, надо сказать, были не менее удивительными, чем музыка - пианист говорил о фантазии европейской культуры (по поводу Листа), об отражении момента смерти в одном из канонов "Искусства фуги"... Будучи в гостях в институте культуры, собрав нас, преподавателей, и прочитал доклад о ходстве архитектоники сонета и готического собора. На Баховской конференции, которую мы тогда затянули 300-летнему юбилею композитора, сыграл Первый клавирный концерт Баха (с квартетом филармонии вместо оркестра).

Записал этим летом в Париже свою Мессу на компакт-диск. В августе сыграл с оркестром под управлением В.Федосеева "Пляски смерти" Листа в Вене - феерическое исполнение, скоро выйдет компакт-диск. Феерическое исполнение, да и творческая фигура совершенно фантастическая.

Пианизм сквозь призму философии, культурологии, композиторской практики, музыковедения, поэзии (Аркадьеву принадлежат замечательные переводы сонетов Верлена), математики (которой наш герой тоже интересовался). Призма, преломляя, порождает радугу. Радужные отсветы ложатся на игру Аркадьева. Сияние и тишина вечности соседствуют с жесткой властной динамикой, светлая умудренность и вспрощение - с островерхерктерными зарисовками.

Какой композитор не пытался интерпретировать свое имя? Инкрустировали свои инициалы в музыку Шуман, Шостакович, и латинское Sch придавало музыке в шумановском случае характер романтического томления, D.Sch. - инициалы Шостаковича точно укладывались в интонационную формулу "ладов Шостаковича". Рисунок креста обнаружил в своей фамилии Бах. Вот вслед за ними и Аркадьев...

"Аркадьев
Arca Deo
Arc-en-ciel - радуга, арка в небе;
Arc-a-Dieu - радуга в Боге, но лучше Лук, натянутый в небесном сиянии Бога" - размышил музыкант об имени и сути...

Радуга протягивается в тишине Великого Потопа. Она завершает космическую катастрофу и является знаком искупления грехов человечества, заветом мира между Богом и людьми.

SILENTIUM

Любимый нами философ Майстер Экхарт писал: душа должна быть пуста для того, чтобы Господь наполнил ее своим утешением и светом. Пустота, тишина, сияние пietistской музыки, мистических кульминаций органных сочинений Букстехуде, симфонии Брукнера - то, что музыке так редко и удивительно - в неземных цветах окрашивает игру Аркадьева. Так, как играет ми-бемоль-мажорную симфонию Баха Аркадьев - ангелы, наверное, на небесах ее играют. Аркадьевский Скрябин, Мусоргский - из программ знаменитого, отредактированного Т.Чередиченко, концерта (в Голландии он записан на компакт-диск) - энергетический густок, пружина, раскручивающаяся в тишине присутствия Бога...

Удивительный, поражающий контраст внешней энергии, стремительного саморазворачивания вовне и светящейся, неподвижной, тихой вечности, сквозящей через покровы внешнего бытия - категорий-то не для статьи... Какой-то разговор неуместно серьезный. Да и зашел он о вещах невыразимых, о том качестве искусства, человеческой мысли, слова, о которых удавалось высказаться Тютчеву, Иннокентию Анненскому, Набокову... Дальнейшее - Silentium...

Процитировать ли "Лжесобачью несвоевременного барокко", свою статью из старого номера "Аркадьевистики", содержащую описание аркадьевской "Сицилианы", в ее постбарочном, постстрисановском звучании? "Там, и только там (в вагнеровском "Тристане") - место этому смертному томлению малых секунд... Вся соблазнительная красота вертикальных созвучий - яд и соблазн смерти. Но у Вагнера смерть и любовь равнозначны, в них расплывается все - как в любви к Богу. А в "Сицилиане" смерть лишена притягательности любви. Свобода и притягательность бездны..."

"Сицилиану" исполнили в нашем городе 10 лет назад. За роялем сидел автор, партию гобоя сыграл артист оркестра оперного театра С.Краснобаев. Наверное, многие помнят и баховский ре-минорный концерт в исполнении Аркадьева, и квартет под руководством концертмейстера оркестра оперного театра Г.Черкасова.

В конце февраля Аркадьева ждут в Самаре. Планируется его доклад на международной конференции в Институте искусств и культуры. Вероятно, удастся организовать и концертные выступления...

Слова не могут воссоздать музыку. Звучания аркадьевского рояля в статье не передать. Может быть, отзвуки музыки можно расслышать в аркадьевских стихах? В "Несвоевременном сонете", например, стихотворении, написанном достаточно давно, году в 1979:

Я счастье одиночества постиг.
Оно - как терпкое вино, и слезы
Блестят в глазах... но в звуках Lacrimosa
Я ужас одиночества постиг.

Тот ужас, что приходит в первый миг
Любви, как отзвук смерти. Но святые грозы
Очищают мир, и будут плодоносны позы,
Но вечен вечный ужас - духа крик!

Постиг я сладость спазм духовной боли.
Она - как звездный звон над бедствием земли,
Как бой часов, как Сальватор Дали...

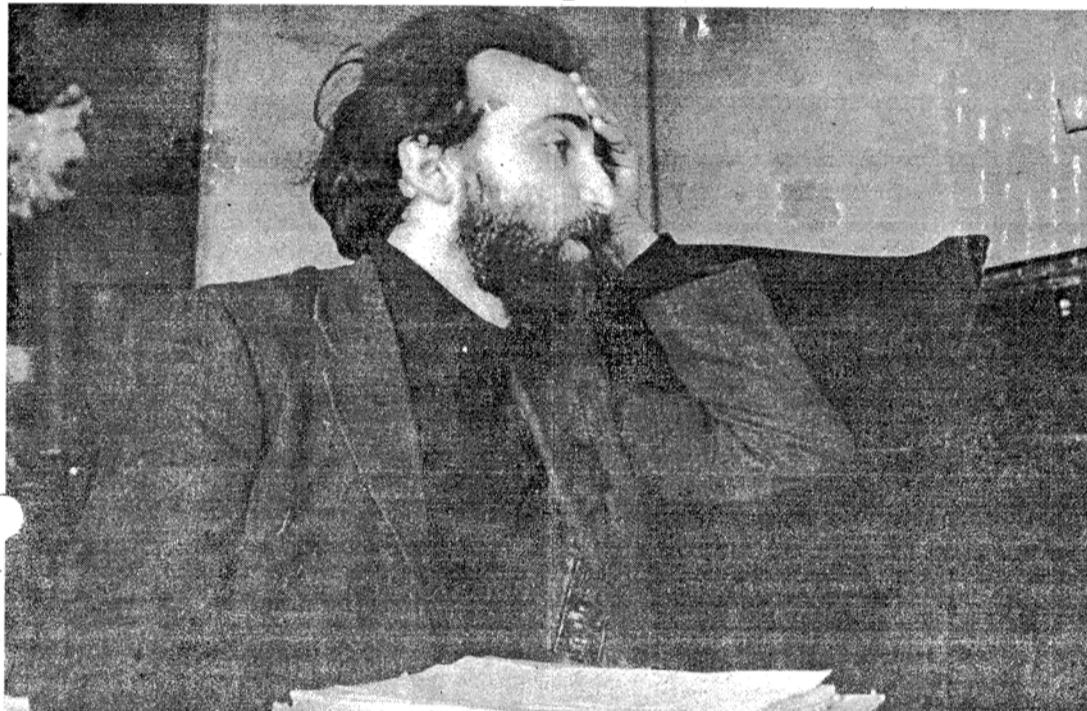
Постиг я горечь спазм духовной боли.
Не знаю, буду я ничтоженьем иль велик -
Я совести кровавый пульс постиг!

Сонетов, акростихов, с переводов сонетов Верлена - с подчеркнутыми омузыкальными поэтическими формами начинилась творческая биография Аркадьева-пoэта. Пародоксальность барочных антиномий, разведение по противоположным полюсам и слияние этих полюсов воедино - глубочайшее внутреннее свойство музыки. Одна из самых фундаментальных оппозиций музыки - оппозиция звучащего тела музыки и той загадочной, притягивающей, полной темных тайн бездны, которая проглядывает в разрывах звучания. Пауза - загадка для музыканта. Недаром паузы делаются мощным риторическим средством в исполненной загадочности барочной музыки. Аркадьев пишет исследование о звучании и незвучании. Не о звуках и паузах. О "незвучающей основе", "незвучащем пульсе" как о подводной части, о фундаменте музыки написана Аркадьевым удивительная книга - "Временные структуры новоевропейской музыки" (М., 1992). В тишину уходит и из тишины рождается музыка...

1996 №3

МИХАИЛ АРКАДЬЕВ - МУЗЫКАНТ, ФИЛОСОФ, ПОЭТ

поразительным, уникальным пианистом. При этом обижался, когда хвалили его как пианиста. Не пианизм в обычном понимании этого слова, не комплекс техногенных и музыкальных проблем важен для Аркадьева - через фортепианное исполнительство просвечивают совсем иные дали или высоты.

Тогда-то, в незапамятные гнесинские годы, появляется многосерийное издание "Советская аркадьевистика". Миша был известен в узком кругу, а журналист

функционировал в кругу еще более узком - может ли круг состоять из двух человек?

С любовью выпускалась серия "Ученые записки". Нашла у себя только один номер. Иногда "Аркадьевистика" выходила в типографии монастыря Марияфельс ("скла Mariafels", по аналогии с "Мариафельсом" "Игры в бисер" Гессе). "Mariafels, Verlag "Vif crucis" - жизнерадостно вещает титульный лист другого уцелевшего журнальчика. Вот титульный лист еще одного номера:

ТРУДЫ МАРИАФЕЛЬСА
АРКАДЬЕВИСТИКА
Вып. II

Психологическая серия

Москва
Издательство
"Запрещенная литература"

Серии назывались очень по-разному, менялись и названия издательств: были, помнится, высоконе "Меа сиа", неряшливое "Втопыхах"...

Конечно, номера "Советской аркадьевистики" были, скорее, игрой. Но теперь приспело время поговорить о Мише, о "Майстере М.", как он, по аналогии с любимым нашим Майстером Экхартом, именовался в "Аркадьевистике", о Михаиле Александровиче Аркадьеве, всерез и с полным пафосом. Правда, в этом меня уже опередили - к счастью. Маститый музыковедческий старец, легенда отечественной науки, Лео Абрамович Мазель, посыпал Мишиной философско-музыковедческой концепции большую статью в последнем номере фундаментального научного журнала "Музикальная Академия". Мишина книга, по словам Мазеля - достояние отечественной культуры. В тех же тонах выдержано и недавно опубликованная в журнале "Новое, время" заметка известного музыковеда и публициста Татьяны Чередиченко. Татьяна Васильевна, как о крупнейшем событии, пишет о сольном аркадьевском концерте в Большом зале консерватории.

Концерт - и книга. Лед и пламя, небеса и земля, день и ночь... Ренессансная универсальность, барочные антиномии (см. статью в "Аркадьевистике" - "Лжесобачки несвоевременного барокко")...

Вот поэтому-то и трудно писать. Велик разброс, вместо прелюдии (с одной музыкальной темой) или даже сонаты (с двумя-тремя темами) - что же это, сюита какая-то получается? И одно, и другое, и третье...

Попробуем в произвольно-мозаичной форме скинуть взглядом разные стороны деятельности нашего нового Леонардо. Знаменитая книга М.Аркадьева о времени в новоевропейской музыке - бесследно разошлась, выдержав за год два издания.

Зашитив по проблематике книги кандидатскую диссертацию, автор услышал от оппонентов, что работа могла бы рассматриваться и как докторская.

В качестве партнера "первого баритона мира" Дмитрия Хворостовского Аркадьев объехал весь мир. Вот кассета с записью концерта в Карнеги-холл. Концерты в Париже, Токио, Лондоне. Сегодня, именно в тот вечер, когда пишутся эти строки, их герой прилетает с очередных гастролей по Америке. "Слава Богу, успешно все прошло" - скромно сказала жена Ира. И сомневаться нечего - М.Аркадьев в качестве концертмейстера неизменно обращает на себя восхищенное внимание публики, его успех не в состоянии затмить и громкая слава баритона.

НATAL'YA ESKINA

3